

Н.А. Михальчук
(Могилев, Беларусь)

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОГО ТИПА РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (на материале интервью с поэтом)

В статье выявлены особенности языковой личности И. Бродского (в поведенческом аспекте ее изучения) как представителя элитарного типа речевой культуры.

Понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О.Б. Сиротининой, оказалось исключительно востребованным в лингвистической науке и актуальным в условиях современной языковой и социокультурной ситуации. В статье «Устная речь и типы речевых культур» О.Б. Сиротинина определяет пять типов речевой культуры, среди которых «более редким и лучшим, чем другие типы» называет элитарный тип речевой культуры [4].

Принадлежность к данному типу речевой культуры лингвист напрямую соотносит с обладанием личностью определенным уровнем как общей, так и языковой культуры. У языковой личности, характеризующейся как элитарная, исключительно значимым является наличие не только речевых, но и определенных психологических навыков, среди которых О.Б. Сиротинина называет самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, вообще к людям, тягу к искусству, литературе в их лучших образцах и ко всем знаниям.

Устная речь И.А. Бродского, проанализированная нами на материале «Большой книги интервью», в целом позволяет охарактеризовать его как носителя элитарного типа речевой культуры.

Отметим ряд специфических особенностей речевой коммуникации И. Бродского, аттестующих его как элитарную языковую личность.

Обращает на себя внимание создание Бродским ситуаций общения с ориентацией на **другого** и его восприятие текста интервью, с одной стороны, и его отношение к речи (самоконтроль, привычка себя проверять, стремление к эффективности речи с точки зрения ее оценки с позиции коммуникативных качеств), с другой. Показательны отсутствие самолюбования поэта, оказавшегося в позиции интервьюируемого, самокритика, ориентация высказываний на того, кто будет их воспринимать. Следствием данных установок является большой объем метатекстовых комментариев в ответах поэта.

Метатекстовые комментарии А. Вежицка определяет как комментарии автора к собственному тексту, то есть интерпретацию, уточнение, критическую оценку информации, которая содержалась в исходном тексте [2]. Авторы монографии «Коммуникативная организация диалогического дискурса» утверждают, что содержание термина «метатекстовый комментарий» шире: исходный текст может пониматься не только как авторская речь, но и как чужое высказывание [3].

В интервью И. Бродского частотны негативнооценочные характеристики собственных высказываний. Основанием для критической оценки поэтом своей речи является ее:

➤ приближенность, неточность, что воспринимается И. Бродским как нарушение коммуникативного кодекса и соотносится с отступлением от принципа кооперации Г. Грайса, максимы манеры – выражайся ясно, избегай неоднозначности, будь краток и организован.

– *Мы познакомились (с Ахматовой – Н.М.), когда мне было двадцать три-двадцать четыре года. <... > Это были не литературные контакты, а скорее чисто человеческая привязанность. Мне трудно об этом говорить, поскольку я об этом написал. <... >*

– *Должен признаться, что сейчас вообще очень трудно брать у вас интервью, поскольку почти обо всем вас уже спрашивали.*

– *Дело не в том, что меня обо всем спрашивали, а в том, что я уже об этом писал. И не думаю, что в разговоре могу быть более точным, чем на бумаге...*

В данном фрагменте диалога наблюдаем ретроспективный метакоммуникативный комментарий, однако у Бродского встречаются и проспективные:

– *Я хочу ответить по возможности емко, но, пожалуй, мне не удастся, потому что, однажды попытавшись ответить на этот вопрос, я написал двести или триста страниц.*

➤ Возможная недостоверность сообщаемого, что апеллирует к максиме качества информации Г. Грайса: не говори того, для чего нет достаточных оснований.

– Простите за интимный вопрос: вы человек религиозный, верующий?

– Я не знаю. Иногда да, иногда нет.

– Не православный ведь и не католик. Может быть, какой-то вариант протестантства?

– Кальвинизм. Но вообще о таких вещах может говорить только человек, в чем-то сильно убежденный. Я ни в чем сильно не убежден.

➤ Чрезмерная эмоциональность, в частности, подробный рассказ о личных переживаниях, вызываемых поэзией А. Ахматовой и У.Х. Одена, что также в восприятии поэта связано с нарушением принципа вежливого общения. Ср. максиму полноты Г. Грайса: высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется.

– Не думаю, что какой-то журнал захочет напечатать это интервью.

– Думаете, его не поймут?

– Не в том дело, что не поймут. Просто сочтут чересчур лиричным.

➤ Возможность несовпадения с собеседником в направлении оценки действительности. Ср.: принцип вежливости Лж. Лича, максима одобрения – предполагаемая позитивность в оценке других.

Перспективный комментарий И. Бродского в ответ на вопрос о том, почему в Америке он обратился в творчестве к прозе:

– *Я постараюсь ответить на это, но думаю, что ответ будет несколько разочаровывающим. Дело в том, что я начал писать прозу исключительно по необходимости.*

В ряде случаев поэт дает положительную оценку своим высказываниям и, в первую очередь, количественным характеристикам коммуникации, что связано с моральной ответственностью перед читателем, глубокой личной добросовестностью, необходимостью предоставить не меньше (но и не больше) информации, чем требуется (соответствие принципу кооперации Г. Грайса, максиме полноты информации):

– *Что еще? В общем, я думаю, описал все;*

– *Вот и все, что я могу сказать об изгнании. Я могу сказать больше, но зачем?*

Таким образом, очевидны сознательные речевые действия поэта, направленные на гармоничный диалог с реальным партнером по коммуникации и читателем, его стремление к соблюдению критериев и принципов корректного речевого поведения – искренности, истинности, принципов кооперации Г. Грайса и вежливости Дж. Лича.

В ряде случаев нарушение принципов коммуникативного кодекса в «Большой книге интервью» наблюдается со стороны собеседников поэта.

Так, самой частотной максимальной в плане игнорирования интервьюерами является максима такта, сформулированная в рамках принципа вежливости Дж. Личем. Она предполагает соблюдение границ личной сферы любого человека и дифференциацию в составе каждого речевого акта области общего и частного. И поэт – прямо или косвенно, но всегда деликатно – указывает интервьюеру на то, что тот нарушает нормы этикета и затрагивает то, что входит в личное пространство.

В «Большой книге интервью» и, видимо, в целом для мировоззрения поэта крайне значимой является тема privacy, которое находится под угрозой, нередко нарушается партнерами по коммуникации, в результате чего его следует охранять.

На вопросы, затрагивающие то, что входит в его личную зону, И. Бродский отвечает путем непрямого отказа или уклонения, что помогает сохранить зону согласия и благорасположения.

Тематически вопросы условно дифференцируются следующим образом:

1) о вере или религии (то, что с точки зрения этикета обсуждать не принято);

2) о событиях, вызывающих болезненные воспоминания, относящихся к прошлому, настоящему или будущему (судебный процесс, высылка из страны, возможность возвращения в Россию).

Уклончивость как защитную реакцию поэта наблюдаем в следующих фрагментах диалогов:

– Если у вас будут возражения против следующего вопроса, пожалуйста, скажите.

– Давайте.

– Я хочу спросить про судебный процесс.

– То было много лун тому назад. В этом нет ничего интересного.

– Каково ваше отношение к религии?

– Это один из вопросов, которые не принято задавать, как и отвечать на них.

В следующем фрагменте используется уклончивость как следствие нежелания обсуждать неприятную тему, ср.:

– Можем ли мы поговорить минутку о современной политике?

– Давайте.

– ... Думаете ли Вы, что Горбачев осуществит серьезные перемены?

– Когда Горбачев стал генеральным секретарем, Дерек Уолкотт спросил меня, что я о нем думаю. Откровенно говоря, сказал я, ничего, и надеюсь, что это взаимно. С тех пор мое мнение не изменилось.

Уклончивость может быть следствием вопроса, на который невозможно дать определенный, конкретный или достоверный ответ.

– Что вы думаете о будущем России?

– Ну, будущее – это будущее, и в будущем масса вариантов. По крайней мере, оно будет лучше, чем прошлое. Это несомненно.

Уклончивость помогает уйти от ответа на вопрос, не учитывающий психофизических особенностей личности адресата. Примером подобного коммуникативного диссонанса являются фрагменты интервью, в которых Бродского просят интерпретировать с литературоведческой точки зрения собственные поэтические тексты, подтвердить / опровергнуть наличие в них определенных мотивов, тем или результатов влияния других авторов.

– Тем не менее, как мне кажется, тема христианства не обозначена довольно отчетливо, вышукло, что ли, в вашей поэзии. Или я ошибаюсь?

– Думаю, что вы ошибаетесь.

– Не могли бы вы сказать об этом подробнее?

– Я не буду пересказывать содержание своих стихотворений, их форму, их язык. Не мне об этом судить, не мне об этом рассуждать.

– Что значила для вас Ахматова тогда, когда вы писали уже за границей?

– Трудно на это ответить. Для меня отвечать на вопросы, связанные с моим, грубо говоря, творчеством, – это все равно, что кошке ловить свой собственный хвост. Я не думаю, что я способен здесь на какую бы то ни было объективность.

Отказ от прямого ответа, непрямой речевой акт, может быть реализован в форме отсылки к литературному источнику:

– Один из ваших сборников вы назвали «Уrania» – именем музы, покровительницы астрономии. Что она для вас значит?

– Она значит для меня довольно много, но если вы хотите узнать точно, то посмотрите... кажется, это двадцать третья песнь в «Чистилище» Данте. Там на сей счет все сказано.

Шутливая уклончивость может быть реакцией на не слишком содержательный и корректный вопрос:

– Нравятся ли Вам красивые женщины, если да, что в них нравится?

– Да, нравятся, но, чур, я не Марк, чтобы формулировать.

Встречаются и прямые отказ и несогласие (в целом как языковой личности И.А. Бродскому прямая коммуникация, как и сопряженные с ней личностные качества – прямота, открытость, оказываются далеко не чуждыми). Как правило, конфликтные прямые речевые акты сопровождаются шуткой и/или подробной аргументацией, что и смягчает реализацию неблагоприятной интенции.

Таким образом, специфическими особенностями языковой личности И. Бродского как представителя элитарного типа речевой культуры являются ориентация в дискурсе на собеседника или читателя, его восприятие речи; самокритика; сознательные речевые действия, направленные на создание атмосферы кооперации в общении.

Список литературы

1. Иосиф Бродский. Большая книга интервью / сост. В. Полухина. – М. : Захаров, 2000. – 703 с.

2. Карасик, В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда [Электронный ресурс] – 2016. – Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/index/0-88/> – Дата доступа: 25.05.2019.

3. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / В.Р. Абреу-Фамлок [и др.]; под общей редакцией Е.Г. Задворной. – Минск : МГЛУ, 2017. – 112 с.

4. Сиротинина, О.Б. Все, что нужно знать о русской речи / О.Б. Сиротинина. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 224 с.